

Он пошевелил губами, и от этой мысли на душе стало хоть немного спокойнее.

Опираясь на локти, он медленно приподнялся. Рана на лбу все еще глухо ныла, лицо стало еще бледнее, а дыхание сбивалось от слабости — зрелище было поистине жалким.

Раздался скрипучий звук, дверь тихо приоткрылась, и в поле зрения Цзян Юня показалась фигура человека в лазурном халате.

— Очнулся? — Голос мужчины звучал удивленно. Он тихо рассмеялся и поставил поднос с лекарством на стол. — Помимо раны на лбу, есть ли еще что-то, что тебя беспокоит?

Цзян Юнь покачал головой и, сжавшись в комок в углу, хрипло спросил:

— Где я? И вы... кто?

Он не слишком хорошо разбирался в устройстве Башни Генерала, знал лишь, что здесь множество различных ведомств, самое печально известное из которых — подчиняющийся напрямую Сяо Ли Отдел карательных мер.

Ходили слухи, что тех, кто совершил ошибку или проявил непокорность в Янчжоу Мэн или Маньюаньчунь, отправляли именно туда. Если человек не умирал, то оставался калекой на всю жизнь, медленно угасая в невыносимых муках.

— Не бойся, это Аптекарский приказ, — мягко ответил мужчина в лазурном. — Я местный лекарь, Чжун Шэнбай.

Глаза Цзян Юня прояснились, он осторожно коснулся повязки на голове.

Значит, Цзянь Иянь действительно отправил его сюда...

Цзян Юнь присмотрелся к лицу Чжун Шэнбая. У того был весьма кроткий нрав, а на лазурной ткани халата виднелся изящный узор из бамбуковых листьев — он походил на учителя из академии, увлеченного изучением древних текстов.

В воздухе разливался тонкий аромат лекарственных трав.

Чжун Шэнбай протянул ему чашу и подшутил:

— Пей скорее, а то если второй молодой господин Цзянь придет и увидит тебя в таком виде...

Услышав имя Цзянь Ияня, Цзян Юнь вспыхнул, не раздумывая больше ни о чем, он залпом осушил чашу с лекарством.

— Спасибо...

Он и не думал, что в этой башне найдется такой добрый и мягкий лекарь.

Цзян Юнь не удержался и разговорился с ним, собираясь спросить, когда придет Цзянь Иянь, но тут дверь с грохотом распахнулась.

— Э-э...

Не успел Цзян Юнь среагировать, как чья-то широкая ладонь сжала его горло, а в голове зазвенело.

— Генерал! — вскрикнул Чжун Шэнбай, но было уже поздно.

— Уходи.

Неизвестно почему, но Сяо Ли выглядел мрачнее тучи, от него исходила удушающая ярость.

Чжун Шэнбай хотел что-то сказать, но под тяжелым взглядом был вынужден выйти.

В комнате остались двое.

Цзян Юнь, задыхаясь от боли, отчаянно пытался разжать пальцы Сяо Ли.

Мускулы на руках Сяо Ли напряглись, глаза налились кровью — он с такой яростью вцепился в горло юноши, словно хотел свернуть ему шею.

В этот момент за дверью раздался женский голос:

— Генерал, я привела ее.

Сяо Ли наконец обрел крупицу разума и резко швырнул Цзян Юня обратно на кровать.

— Кхе-кхе...

Цзян Юнь судорожно ловил ртом воздух, чувствуя, как выпитое лекарство просится наружу.

Сяо Ли крепко сжал в руке письмо и, глядя на него сверху вниз, процедил:

— Как тебе удалось его уговорить?

Цзян Юнь опешил:

— О чем вы...?

Видя его искреннее недоумение, Сяо Ли пришел в еще большую ярость, но, вспомнив лицо Цзянь Ияня, заставил себя успокоиться.

— Пусть войдет.

Получив приказ, Хуа Сиде ввела Цзян Вань.

— Братец...

— Ваньэр? — Цзян Юнь не мог поверить своим глазам, глядя на девушку, бросившуюся в его объятия.

Сяо Ли действительно вернул ее ему!

— Пригляди за ними. — Сяо Ли не было дела до их воссоединения, он велел Хуа Сиде устроить их в Учебный отдел и развернулся, чтобы уйти.

— Что все это значит? — спросил Цзян Юнь у женщины, управляющей Маньюаньчунь.

Хуа Сиде наклонилась и с интересом разглядывала его лицо.

— А ты довольно хорош собой. Думаю, теперь даже третий принц не сможет просто так тебя

тронуть.

На следующее утро, еще до рассвета, слуги подняли Цзянь Ияня, умыли, одели, и он отправился во дворец вместе с Цзянь Исином и Цзянь Шучи.

В Дуннине наступила поздняя осень. Цзянь Иянь поежился, и сидевший рядом Цзянь Шучи поспешно запахнул на нем плащ. Заметив рану на лбу брата, он не сдержал вздоха сочувствия.

— Иянь, все еще... болит?

— Да нормально... — Цзянь Иянь отмахнулся от лишних расспросов. — Через пару дней пройдет.

— Впредь не ходи в такие места, понял? — Цзянь Шучи снова принялся за свои нотации и даже вытащил то самое покаянное письмо. — Ты ведь обещал...

Цзянь Иянь: ??? Почему ты носишь его с собой?!

Цзянь Иянь был настолько ошарашен, что слов не находилось.

Вид этого покаянного письма вызывал у него лишь желание закатить глаза, поэтому он пробормотал:

— Угу, да, хорошо, без проблем, больше не пойду.

— Вот и славно, — Цзянь Шучи с довольным видом спрятал бумагу за пазуху.

Цзянь Иянь поддакнул:

— Хорошо.

Система: «...»

Если тебя поймают, тебе конец, я предупреждаю.

Карета въехала в императорский город, миновала ворота Юнлэ и оказалась в самом центре власти Лояна.

Экипаж Цзянь Исина отделился, чтобы следовать за процессией чиновников, направляющихся на аудиенцию.

Цзянь Иянь зевнул: впереди его ждали скучнейшие лекции по истории и метафизике.

Вскоре Цзянь Шучи вышел у Павильона Хунвэнь, а до Академии Ганьчэн, где учился Цзянь Иянь, оставался еще путь.

В Академии Ганьчэн —

— Не ожидал, что даже мой августейший брат почтит нас своим присутствием? — Ли Сюшэнь сидел в развязной позе, с насмешкой поглядывая на вошедшего опального наследного принца Ли Сюцзина и его двух спутников.

Остальные принцы и отпрыски знатных семей, поприветствовав вошедших, с холодным равнодушием наблюдали за представлением.

Ли Сюцзин, будучи наследником, изучал искусство управления империей в Восточном дворце, но в одночасье был лишен статуса и теперь вынужден был учиться верноподданничеству вместе с ними. Сейчас, подвергаясь насмешкам собственного брата, он, должно быть, испытывал не самые приятные чувства.

Ли Сюцзин бросил на Ли Сюшэнь холодный взгляд, не стал отвечать и просто занял место в первом ряду.

Ли Сюшэнь не желал отступать и хотел было съязвить еще раз, но Мужун Минь потянул его за рукав, безмолвно качая головой.

— Тц... — Ли Сюшэнь отмахнулся от него и сел, помрачнев.

Остальные, поняв, что веселье закончилось, вернулись на свои места.

— Ха-а... — Цзянь Иянь, прикрывая рот рукой, вошел в класс, зевая на ходу, но, увидев в первом ряду старшего принца, замер на полуслове.

Ли Сюцзин: ?

Ли Сюшэнь: ...

Все остальные: ???

Цзянь Иянь: Это... разве не главный любовный интерес Цзян Юня?

— Ваше Высочество, доброе утро, — Цзянь Иянь поклонился и, игнорируя взгляды окружающих, прошел на свое место.

Ли Сюшэнь и Мужун Минь обернулись к нему с беспокойством:

— Что случилось с твоей головой?

Цзянь Иянь только хотел ответить, как в класс вошел наставник.

Все подняли головы. Мужчина был строен, его миндалевидные глаза слегка опущены, а от него самого веяло холодом, словно от ледяного лотоса на вершине гор Куньлунь — чистый, неприкасаемый и исполненный гордости.

Это был... Вэнь Шидао.

Почему-то Цзянь Иянь сразу насторожился.

Вэнь Шидао вызывал у него ощущения... пугающе похожие на те, что возникали при встрече с Чу Цинцы.

Цзянь Иянь замер с кистью в руке, поставив на бумаге кляксу.

Между ними повисла тишина.

Ли Сюшэнь воспринял это молчание как согласие.

Цзянь Иянь вздохнул: учиться нелегко, а ему еще предстояло переписать сто раз «Хань Гуан», о котором спрашивал Вэнь Шидао...

В этот момент Ли Сюшэнь придвинулся ближе и, прищурившись, опасно спросил:

— Ты сейчас... небось о Цзян Юне думал?

Вот уж поистине — сам себе вырыл яму.

Если бы он в тот день не использовал Цзян Юня, чтобы проверить Цзянь Ияня, разве видел бы сейчас этого потерянного парня?

Ли Сюшэнь скрестил руки на груди и фыркнул:

— Не знаю, о чем ты там грезишь! Еще и меня заставляешь оставаться после уроков!

Кто из них вообще сопровождающий, а кто принц?

— Э-э... Ваше Высочество, лучше возвращайтесь, не заставляйте госпожу волноваться.

Цзянь Иянь поднял голову и внезапно обнаружил, что стал объектом всеобщего внимания...

Взгляд Вэнь Шидао потемнел, в нем промелькнула искра гнева:

— Останешься после занятий.

— Следующая строка, Цзянь Иянь.

Когда Вэнь Шидао задавал вопросы, Цзянь Иянь витал в облаках.

Он подпер подбородок рукой, едва не засыпая.

Система: «Тебе конец! Зови команду носильщиков, чтобы унесли твой труп!»

Ли Сюшэнь выразил недовольство:

— Он должен пойти со мной...

В полдень, когда занятия закончились, Цзянь Иянь наконец принялся за письмо.

Не успел он закончить фразу, как Вэнь Шидао бросил на него косой, острый и холодный взгляд.

Лицо Ли Сюшэня застыло, и он инстинктивно проглотил оставшиеся слова.

Система была готова вскрыть ему череп, чтобы посмотреть, что там происходит: Вэнь Шидао дважды окликнул его, на него уставились все вокруг, а он все еще витал в облаках.

Не имея выбора, система применила тяжелую артиллерию: «Хань Гуан» — это так интересно...

Как раз в этот момент Цзянь Иянь дописывал «Хань Гуан» во второй раз:

— На юге есть дерево, нельзя под ним отдохнуть,

У реки есть гуляющая дева, нельзя ее добиться...

Горечь усиливалась, и слова, которые Ли Сюшэнь вынашивал несколько лет, так и застряли в горле.

Раньше он ругал Цзянь Ияня за то, что тот непробиваем, как пень, но стоило тому наконец прозреть, как Ли Сюшэня охватила жгучая ревность.

На душе было невыносимо тяжело. Ли Сюшэнь спрятал свою ярость и, взмахнув рукавами, ушел, оставив Цзянь Ияня в пустом классе.

— ? Что с ним? — удивился Цзянь Иянь.

— Эх... — система развела руками. — В «Хань Гуан» есть ответ, поищи сам!

Цзянь Иянь, у которого от боли ныла поясница, наконец закончил переписывать наказание перед уроком математики и побежал в соседнюю Академию Ханьлинь сдавать работу.

В это время Вэнь Шидао был лишь ученым академии, до поста премьер-министра, на который его выдвинет Инь Вэй, оставался примерно год.

Когда Цзянь Иянь подошел к кабинету Вэнь Шидао, он услышал, что внутри кто-то говорит. Голос был не похож на голос Вэнь Шидао, но казался знакомым.

Цзянь Иянь отклонился назад, раздумывая, не считается ли это подслушиванием, и только хотел отступить, как дверь открылась. Вышел старший принц с плотно сжатыми губами и мрачным лицом, не сказав ни слова, он прошел мимо.

— ??? — Цзянь Иянь озадачился. — Его тоже заставили переписывать?

Вид у него был такой, будто он съел что-то крайне неприятное.

Система уловила запах сплетен: «Это аромат философии!»

Цзянь Иянь глубоко вздохнул, вошел в комнату, сдал работу и выдал заготовленную речь о том, как он раскаивается и больше не совершит подобного.

Вэнь Шидао лениво приподнял веки, проигнорировав его пустую болтовню, и с интересом спросил:

— Сначала расскажи, о чем ты думал во время урока.

Цзянь Иянь: «...»

...

В час обезьяны небо начало темнеть.

Цзянь Иянь с измученным видом вышел с тренировочной площадки. После упражнений с луком и верховой езды он чувствовал себя выжатым лимоном.

Он не ел весь день.

Если о его поведении на уроке узнает Цзянь Исин, тот его живьем съест.

Но перед выходом из дворца нужно еще зайти к Благородной супруге Сяо.

По дороге слуги сказали, что она уже накрыла стол и ждет его с третьим принцем.

Цзянь Иянь зевнул, мечтая поскорее со всем покончить и лечь спать, иначе Цзянь Шучи снова заставит его читать классику до полуночи.

Столько лет он учил все это, а интереса так и не появилось.

Когда он прибыл во дворец Нинхэ, то увидел Сяо Ли, который сидел рядом с Благородной супругой Сяо, ожидая их возвращения.

— Тетушка, дядюшка, — поклонился Цзянь Иянь.

Благородная супруга Сяо просияла и поманила его:

— Хорошо, иди сюда, садись.

Поблагодарив, Цзянь Иянь сел напротив.

Сидящий рядом Сяо Ли нахмурился:

— Что с твоей головой?

Цзянь Иянь тихо пробормотал:

— Случайно упал...

— Упал? — фыркнула Благородная супруга Сяо. — Неужели это не рук дело моего дорогого зятя? Если бы ты переехал жить к Шэнь-эру, не пришлось бы терпеть такие муки.

Отец был слеп, когда выдал Сыжун за этого педанта Цзянь Исина. Теперь Сыжун нет, а ребенка заставляют страдать в том доме!

Видя, что эта тема бесконечна, Ли Сюшэнь поспешил вмешаться:

— Матушка, давайте сначала поедим, кое-кто сегодня совсем не ел.

Цзянь Иянь дернул глазом — вот же подстава от третьего принца.

После ужина его еще долго отчитывали и Благородная супруга, и Сяо Ли за то, что его оставили после уроков.

Когда он выходил из дворца вместе с Сяо Ли, его сознание было затуманено, а в ушах все еще звенели нотации.

Он невольно задумался: он здесь, чтобы выполнять задания и заработать право на жизнь, или чтобы вкусить все тяготы земного существования...?

— Я уже послал людей в особняк Шаншу, — Сяо Ли затянул потуже его плащ и, опустив взгляд, сказал: — Сегодня переночуешь в особняке Генерала.

Цзянь Иянь: «??»

...

Глубокая ночь.

Цзянь Иянь ворочался с боку на бок. Хотя он и остался в особняке Генерала, но он уже взрослый человек, почему он должен спать в одной комнате с Сяо Ли!?

— Что такое? — Сяо Ли повернулся к нему. — Непривычно?

— Нет... — Цзянь Иянь отодвинулся подальше, даже в полумраке он видел холодный блеск глаз Сяо Ли.

— Что сегодня изучали? — Сяо Ли протянул руку, обхватил его за талию и притянул ближе.

Тело Цзянь Ияня напряглось. Он отчетливо чувствовал жар и грубые мозоли на пальцах Сяо Ли даже через внутреннюю одежду.

— Изучали... «Хань Гуан», — Цзянь Иянь натянул одеяло на голову и пробурчал: — Дядюшка, я спать.

Сяо Ли замер.

«Хань Гуан»?

...

Стоило ему уснуть, как во сне он снова увидел Чу Цинцы, скрытого в белом тумане.

В мгновение ока тот оказался перед ним, схватил за плечи и тихо спросил:

— Ты обещаешь мне?

Цзянь Иянь опешил, не успев даже понять, на что именно нужно дать согласие, как увидел, что Чу Цинцы изменился: весь в крови, лицо искажено гримасой, в точности как у разлагающегося трупа.

— Не обещаешь... тогда умри вместе со мной!

— !!!

Цзянь Иянь резко открыл глаза, покрытый холодным потом.

Системе снова пришлось оказывать ему психологическую помощь.

Бедняга был так напуган, что это стало психологической травмой.

— Реши пару вариантов по естественным наукам, чтобы успокоиться, — пробормотал Цзянь Иянь, выбираясь из постели.

Система: «Ты с ума сошел? Это книга».

Сон о вступительных экзаменах — это еще куда ни шло.

...

Следующие несколько дней Цзянь Иянь ходил как в воду опущенный.

А Вэнь Шидао только и делал, что вызывал его читать вслух, не ответил — оставайся после уроков, ошибся в диктанте — оставайся, написал сочинение не так, как ему хотелось — снова оставайся.

Цзянь Иянь был в замешательстве: «???»

Это вообще человек делает?

— У этого злодея-героя есть ко мне какие-то претензии? — Цзянь Иянь от бесконечного переписывания чувствовал, как кожа на голове немеет, а рука дрожит.

Система злорадствовала: «Кто просил тебя витать в облаках на его первом уроке».

Цзянь Иянь теперь старался обходить его десятой дорогой.

Наконец настал день, когда Вэнь Шидао перестал их учить, так как его назначили придворным лектором.

Цзянь Иянь написал на бумаге: «Кайф. (Картинка с большим пальцем)».

Он хотел было написать что-то еще, как в него прилетел бумажный комок и упал прямо на парту.

— ? — Цзянь Иянь огляделся и увидел, что Пэй Жун, сидящий за старшим принцем, покраснел и смотрит на него.

Он развернул бумажку, на ней было четко написано:

«Задний двор, под баньяном, после уроков».

— ...

Цзянь Иянь прищурился, взял кисть, написал ответ и бросил обратно.

Пэй Жун поспешно развернул его и увидел ответ:

«Не приду, иду есть».

Пэй Жун: «...»

Система: «...» Безнадёжно, жди смерти.

После уроков Цзянь Иянь действительно ушел.

Система ударила себя по лбу:

— Ты не хочешь с ним встретиться?

Пэй Жун — правая рука старшего принца, из знатного рода первого ранга. Пообщавшись с ним, можно было бы навести мосты между Цзянь Юнем и старшим принцем.

На следующий день, как и ожидалось, Цзянь Иянь получил еще одну записку от Пэй Жуна.

На этот раз он согласился.

Под баньяном Пэй Жун, глядя на него, замялся:

— Я...

По тому, как развивались события, у Цзянь Ияня возникло дурное предчувствие.

Он услышал, как Пэй Жун сказал:

— ...Я люблю тебя.

...

— Меня не пырнут ножом? — Цзянь Иянь шел по дороге, чувствуя себя в опасности.

С тех пор как Чу Цинцы открыл эру «кровавых признаний», он стал крайне осторожен в делах сердечных.

Он вежливо отказал Пэй Жуну, сославшись на то, что ему нравятся девушки, и подробно объяснил, почему они не подходят друг другу.

Неизвестно, услышал ли его Пэй Жун.

Судя по его потерянному виду, вряд ли. Надеюсь, в будущем не случится чего-то вроде кровавого самоубийства, как в случае с Чу Цинцы.

Однако Цзянь Иянь все же недооценил ситуацию.

Когда настал день ежегодных «Дебатов учащихся», его противником оказался Пэй Жун.

Черт.

Цзянь Иянь взглянул на обиженное и одновременно торжествующее лицо Пэй Жуна.

Он уже предвидел, как его будут травить, ведь устные дебаты и написание эссе всегда были его слабой стороной, он проигрывал из года в год.

Эх.

Цзянь Иянь впал в состояние буддийского спокойствия.

Как раз когда они начали готовиться к дебатам, сверху поступили новые указания.

Дебаты, которые раньше проводились только между Академией Ганьчэн, Павильоном Хунвэнь и Павильоном Чунвэнь, внезапно расширились: к ним присоединились учащиеся Гоцзыцзяня и претенденты на сдачу государственных экзаменов, включая отпрысков аристократии, чиновников и молодых талантов со всей страны.

Причиной перемен стало решение государства Дуннин поглотить государство Силян.

Силян был матриархальным государством, но его территория составляла лишь шестую часть

Дуннина, к тому же он зажат между Северной пустыней и Дуннином, постоянно страдая от набегов северных кочевников.

Если бы не давление Дуннина, Силян был бы захвачен северянами в течение двух лет.

Тогда Дуннину пришлось бы столкнуться с Северной пустыней, уже поглотившей Силян.

А теперь, когда Силян пришел в упадок, там давно возникло желание объединиться с Дуннином ради защиты.

Присоединение Силяна к Дуннину — дело нешуточное, и, конечно, его предстояло обсудить при дворе с министрами.

<http://bllate.org/book/21581/2223644>